

УДК 94(571.150).084.6

ББК 63.3(2Рос4Алт)614-361

**Репрессии в отношении крестьян-единоличников
в 1937–1938 гг. (на примере Солтонского района
Алтайского края)***

В.Н. Разгон

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Repression against Individual Peasants in 1937–1938
(on the Example of the Solton District of the Altai Region)**

V.N. Razgon

Altai State University (Barnaul, Russia)

На основе микроисторического подхода исследуются причины и масштабы репрессий, осуществившихся в период Большого террора в отношении крестьян-единоличников, определяется механизм отбора жертв из этой группы сельского населения. Как показывает пример Солтонского района Алтайского края, основным объектом репрессий в отношении данной категории населения были локальные группы единоличников и отдельные представители единоличного сектора сельскохозяйственной экономики, имевшие задолженность по налоговым платежам и натуральным поставкам государству, оказывавшие сопротивление представителям власти при конфискации имущества в счет погашения налоговых задолженностей, проявлявшие наиболее устойчивое и активное неприятие колхозного строя, в том числе и по религиозным убеждениям. Наибольшие масштабы репрессии приобрели в районах с низким уровнем коллективизации, таких как Солтонский. Хотя основную роль в ликвидации единоличного сектора сыграло значительное увеличение налоговых сборов с единоличных хозяйств во второй половине 1930-х гг., репрессии 1937–1938 гг. также являлись существенным фактором элиминации индивидуального сектора сельской экономики и решения задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозной системы.

Ключевые слова: Большой террор, репрессии, микроистория, крестьяне, Алтайский край.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-13

The article, based on the microhistorical approach, investigates the reasons and scope of repressions carried out during the Great Terror against individual peasants, determines the mechanism for selecting victims from this group of rural population. As an example of the Solton district of the Altai Region shows, the main object of repressions against this category of population were local groups of individual farmers and representatives of the individual sector of rural economy who were in arrears in tax payments and supplies to the state and resisted the authorities when confiscating property to pay tax arrears. They showed the most stable and active rejection of the collective farm system, on various grounds including religious ones. The greatest scale of repression was acquired in areas with a low level of collectivization, like Soltonsky. Although the main role in the elimination of the individual sector was played by a significant increase tax collections from individual farms in the second half of the 1930s. Repressions of 1937–1938 were also an important factor in eliminating the individual sector of the rural economy and solving the tasks of socialist modernization related to the strengthening of collective farming.

Key words: Great Terror, repressions, micro history, peasants, Altai region.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-01-50116а(ф) «Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг.».

Одной из приоритетных исследовательских задач для современной историографии истории массовых репрессий сталинского периода является реконструкция социального портрета репрессированных [1, 2], изучение практики репрессий в отношении различных социальных групп общества [3–6]. В данной статье рассматривается один из наименее изученных аспектов социальных «чисток» периода Большого террора — репрессии в отношении крестьян-единоличников на примере Солтонского района Алтайского края. Изучение репрессий в отношении данной социальной группы на основе микроисторического подхода позволяет определить критерии, использовавшиеся для отбора жертв репрессий из этой социальной группы сельского населения, цели репрессивной политики в отношении крестьян-единоличников, оценить влияние репрессий 1937–1938 гг. на дальнейшее сокращение единоличного сектора в сельском хозяйстве.

Источниками для написания статьи послужили делопроизводственная документация Солтонского райкома ВКП(б) и райисполкома, материалы следственных дел репрессированных и созданная автором на их основе база данных «Жители Солтонского района, репрессированные в 1937–1938 гг.» [7].

Крестьяне-единоличники не были обозначены в числе подлежащих репрессии контингентов населения, перечисленных в основном директивном акте периода Большого террора — приказе НКВД № 00447 [8, с. 101–105], что свидетельствует о том, что изначально они не рассматривались идеологами Большого террора и организаторами массовой репрессивной операции, проводившейся на основе данного приказа, в качестве отдельной целевой группы. Однако изучение конкретной практики реализации репрессивной политики в Алтайском крае, осуществленное на основе изучения следственных дел и других материалов, показывает, что при ее проведении во многих случаях приверженность единоличному способу хозяйствования, сопряженная с противостоянием усиливавшемуся налоговому давлению государства на единоличный сектор, использовалась в качестве критерия отбора жертв репрессий.

Примечательно, что в ходе проведения мероприятий по составлению списков потенциальных жертв репрессий работникам райотделений НКВД Алтайского края давались задания собирать сведения не только «на ранее судимых за контрреволюционные преступления, на кулаков», но и на «лиц, плохо выполняющих госпоставки, на лиц, не вступивших в колхозы и ведущих антиколхозные и антисоветские разговоры» [9, л. 243]. При этом само стойкое нежелание интегрироваться в колхозную систему могло трактоваться как деяние, имевшее антисоветскую и контрреволюционную направленность. Так, начальник отделения НКВД Алтайского района

(одного из соседних с Солтонским) Иванов на допросе, проводившемся в рамках реабилитационных мероприятий, поясняя мотивы своих действий и действий его подчиненных, связанных с предъявлением крестьянам-единоличникам, осужденным в годы Большого террора, обвинений в антисоветской и контрреволюционной деятельности, следующим образом определял логику выдвижения такого рода обвинений: если «не вступил ... в колхоз или высказался против колхозов, следовательно, вольно или невольно тянул страну к старым дореволюционным порядкам» [9, л. 245].

Среди занятых в сельскохозяйственном производстве жителей Алтайского края, осужденных тройкой при краевом УНКВД в 1937–1938 гг., работники общественного сектора (колхозники и рабочие совхозов) составили 91,6%, а единоличники — 8,4% [10, с. 165]. Этот показатель более чем на 40% превышает долю единоличников в общем составе сельского производительного населения края (5,7%) [11, с. 315], следовательно, этот социальный слой был подвергнут репрессии в большей степени, чем колхозное крестьянство.

Пример Солтонского района показывает, что в местностях, отстававших по уровню коллективизации (район занимал по этому показателю одно из последних мест в Западно-Сибирском крае), репрессии против единоличников в период Большого террора могли приобретать еще более масштабный характер. В Солтонском районе единоличники составили 37,4% от общего числа репрессированных работников сельского хозяйства и 27,4% от всех репрессированных жителей Солтонского района [12, с. 80]. Доля единоличников среди репрессированных в два раза превышала их долю в составе занятого в сельском хозяйстве населения района (накануне начала массовых репрессий она составляла 18,6 %) [13, л. 105].

Как показывает изучение следственных дел единоличников, репрессированных в Солтонском районе в 1937–1938 гг., наибольшему риску оказаться в числе жертв репрессий в ходе проведения массовых операций подвергались следующие категории крестьян-единоличников: 1) единоличники, «происходившие из кулаков» — сельские жители, раскулачивавшиеся и лишавшиеся избирательных прав в 1930–1931 гг., оставленные в местах проживания или бежавшие из нарымской ссылки); 2) бывшие участники антикоммунистических восстаний периода военного коммунизма; 3) религиозные активисты, принадлежавшие к официальной церкви или сектантским течениям; 4) крестьяне-единоличники, систематически уклонявшиеся от выполнения обязательств перед государством или оказывавшие активное сопротивление конфискационным мерам, применяемым представителями власти для покрытия их задолженностей по налогам и поставкам.

Три первые группы репрессированных единоличников попадали под действие приказа № 00447, в котором «бывшие кулаки», участники антисоветских восстаний, «церковные и сектантские активисты» обозначались в качестве целевых групп репрессий [8, с. 101–105].

В частности, почти 90% репрессированных единоличников в следственных материалах проходят как «бывшие кулаки» («сыновья кулаков») — «исторические» (дореволюционные) или приобретшие этот социальный статус в период нэпа [7]. Впрочем, поскольку единоличники не указывались в приказе № 00447 в качестве отдельного репрессируемого контингента, то в рамках проводившихся следственных мероприятий многим из них приписывалось «кулацкое» происхождение, что давало возможность проводить их в следственных материалах и отчетной документации по обозначенной в приказе № 00447 целевой группе репрессий — «бывшие кулаки». Сравнение сведений о социальном положении, указанных в обвинительных заключениях, с соответствующими данными, восстанавливаемыми по запросам в архивные учреждения во время реабилитации, показывает, что такая приписка имела место в более чем половине случаев осуждения единоличников, отнесенных к категории «бывших кулаков».

В материалах следственных дел жителей района, репрессированных в 1937–1938 гг., удалось обнаружить случай массового осуждения крестьян-единоличников, в прошлом принимавших участие в крестьянских восстаниях. В ноябре 1937 г. работниками местного отделения НКВД на территории Усть-Талинского сельсовета была «вскрыта» «контрреволюционная повстанческая группа», состоявшая «из кулаков, а также бандитов — бывших участников банды Табашникова» — наиболее крупного выступления против политики военного коммунизма, имевшего место на территории Солтонского района в 1920 г. В числе 15 человек, проходивших по этому делу, были 8 крестьян-единоличников, у пятерых из которых в фавеле предъявленного им обвинения содержалось указание на их участие в «банде Табашникова» [14, л. 202–214].

Часть единоличников, репрессированных в ходе массовых операций периода Большого террора, принадлежали к еще одной обозначенной в приказе 00447 целевой группе — «церковники и сектантские активисты». Представители различных религиозных меньшинств — баптисты, адвентисты, меннониты, старообрядцы, как правило, являлись убежденными противниками колхозного строя и поборниками единоличного образа жизни и хозяйствования. Благодаря присущей им трудовой этике религиозные «сектанты», воспользовавшись возможностями, предоставленными нэпом, смогли обзавестись крепкими хозяйствами и с началом массовой коллективи-

зации отказывались вступать в колхозы, продолжая хозяйствовать единолично. Многие из них оказались в числе жертв репрессий 1937–1938 гг., поскольку Большой террор, будучи многофункциональной социальной чисткой, ставил, наряду с прочими, задачу выкорчевывания социальных элементов, являвшихся проповедниками религиозного мировоззрения. Обвинения в религиозном активизме, ставившем под сомнение постулаты официальной идеологии, в частности, идею о безальтернативности курса на обобществление сельского хозяйства, содержатся в следственных делах около 10% единоличников, осужденных в Солтонском районе в 1937–1938 гг. [7].

С середины 1930-х гг. в целях скорейшего завершения коллективизации политика государства в деревне стала ориентироваться на полную ликвидацию единоличных хозяйств, в первую очередь посредством реквизиционного налогообложения [15, с. 66–72]. Усиление налогового пресса вызвало сопротивление единоличников, проявлявшееся в отказе платить налоги и выполнять натуральные поставки. Изучение материалов следственных дел показывает, что некоторые из репрессированных в годы Большого террора единоличников имели довольно длительную историю конфликтных взаимоотношений с властью, связанных с невыполнением гособязательств. Так, П.Б. Ташкин, единоличник с Павловка Усть-Талинского сельсовета, штрафовался за невыполнение налоговых обязательств и поставок, а его имущество распродалось за неуплату штрафов еще в конце 1920-х гг., в период применения чрезвычайных мер в хлебозаготовках. В 1934 г. он был осужден за сопротивление представителям власти по ст. 73 УК РСФСР на три года лишения свободы, а после освобождения из колонии в 1936 г. вновь штрафовался за «несдачу зернопоставок». В период проведения в Солтонском районе ноябрьской репрессивной акции Ташкин был арестован по делу контрреволюционной повстанческой группы, которую он якобы организовал в своем селе, и приговорен тройкой к высшей мере наказания (ВМН) [16, т. 1, л. 5, 12, 18, 189–199].

Указания на «систематический» и «злостный» характер неисполнения заданий по натуральным поставкам государству содержались и в характеристиках, составленных сельсоветом на других осужденных по этому делу единоличников. Так, Ф.Я. Ефтин не уплатил штраф в 1200 руб., наложенный на него за невыполнение зернопоставок в 1936 г.; В.П. Лапшин имел задолженность по госпоставкам в размере 6 ц зерна, а между тем «спрятал в яме под полом» своего дома 20 ц пшеницы; И.П. Афонин в 1936 г. штрафовался за невыполнение задания по натуральным поставкам, в погашение штрафа была распродана часть его хозяйства, а в 1937 г. вновь не выполнил обязательств к уста-

новленному сроку [16, т. 1, л. 29об., 39об., 46, 47, 76]. Систематичность невыполнения зернопоставок единоличным сектором Усть-Талинского сельсовета подтверждалась и справками, представленными следствию райзо: к 20 ноября в 1936 г. вместо запланированных 2938 ц единоличники сдали только 1370 ц зерна (46,6 % от плана), а в 1937 г. к этой же дате — 527,7 из 769,2 ц (68,6%) [16, т. 1, л. 8].

Как «ярый саботажник всех госполиткампаний» был квалифицирован в представленной по запросу следствия характеристике Усть-Талинского сельсовета еще один единоличник с. Павловка, осужденный по рассматриваемому делу — П.А. Золотухин. В 1935 г., «будучи членом сельсовета», он «организовал группу людей, враждебно настроенных против советской власти, и выступил против приема весенне-посевного плана». Совместное заявление с требованием уменьшения плана посева, поданное группой единоличников в сельсовет, было расценено в ходе инициированного последним следственного и судебного разбирательства как согласованное коллективное выступление, а его организатор П.А. Золотухин 26 мая 1935 г. был осужден нарсудом Солтонского района к двум годам лишения свободы. После освобождения из заключения 26 декабря 1936 г. П.А. Золотухину не удалось пробыть на свободе и года: 20 ноября 1937 г. он был вновь арестован, а 28 ноября тройка при УНКВД по Алтайскому краю приговорила его к ВМН [16, т. 1, л. 82–83; т. 3, л. 35 об.]. В рамках общего дела с Золотухиным были репрессированы еще 8 единоличников с. Павловка — «злостных саботажников» зернопоставок.

Как организатор массового «саботажа» единоличников в исполнении обязательств перед государством проходит в следственных материалах и единоличник пос. Мунайские шахты Ново-Троицкого сельсовета И.А. Диваев. По сведениям, содержащимся в агентурно-осведомительной сводке, поступившей в райотделение НКВД, еще в 1929–1930 гг., когда Диваев проживал на заимке в с. Караган, его хозяйство распродалось за невыполнение гособязательств (были изъяты две лошади, бык, запасы зерна и амбар), после переезда в 1933 г. в с. Тентешка, а в 1935 г. в таежный пос. Мунайские шахты он продолжал саботировать выполнение госпоставок. А по показаниям инспектора райуполкомзага в Ново-Троицком сельсовете Н.И. Чепкасова, который выступал свидетелем по этому делу, Диваев «не только сам не рассчитывался с гособязательствами, но сговаривал и остальных единоличников не рассчитываться с госпоставками и не принимать план посева, спущенный райисполкомом. Диваев возглавил этот организованный саботаж единоличников в Ново-Троицком сельсовете». Именно в его квартире 16 марта 1930 г. состоялось собрание единоличников (10 чел.), на котором было принято ре-

шение об отказе от посевных планов, снаряжении ходатая в Новосибирск «для того, чтобы наклеузначить на сельские и районные организации о незаконном обложении единоличников» [17, л. 58–58об.; 18, л. 140об.].

Массовый (и, по всей видимости, солидаризированный) характер имел отказ от выполнения гособязательств единоличниками и некоторых других пострадавших от репрессий населенных пунктов района: поселка Ново-Петровск Ново-Троицкого сельсовета, в котором весной 1937 г. отказались от принятия посевных планов 13 единоличных хозяйств [19, л. 180], поселка Макарьевский Усть-Талинского сельсовета, где в 1937 г. 16 хозяйств единоличников вообще отказались сдавать хлеб, а остальные имевшиеся в селе 70 единоличных хозяйств выполнили поставки только на 50–70% [14, л. 68 об.]. В пос. Кислогол в 1937 г. отказались от принятия плана посева и зернопоставок 7 единоличных хозяйств, а в справке местного сельсовета этот отказ характеризовался как инициированный действиями местного единоличника А.Л. Еловикова, который и в предыдущем, 1936 г., «организовывал всех граждан пос. Кислогол, чтобы не платили никакие денежные налоги и зернопоставки» [20, л. 71, 73].

Таким образом, в рамках массовых репрессивных кампаний, проводившихся в годы Большого террора, могли окончательно подавляться очаги организованного сопротивления единоличников налоговому нажиму государства, проявлявшиеся не только в 1937–1938 гг., но и в предшествующие годы. При этом репрессии подвергались не все участники этого сопротивления, а главным образом его организаторы — по официальной терминологии, «зачинщики» налогового «саботажа».

При отборе жертв репрессий могли сыграть свою роль и угрозы, высказывавшиеся единоличниками в адрес сельских активистов и функционеров, занимавшихся исполнением решений о распродаже их имущества за неуплату налогов и невыполнение натуральных поставок. Так, по свидетельству З., данному им во время реабилитационных мероприятий в 1956 г., единоличник с. Павловка Г. говорил членам сельсовета, проводившим опись и конфискацию его имущества в 1936 г.: «Бери, пользуйся, а потом берись или уезжай отсюда» [16, т. 3, л. 38об.]. Хотя в 1936 г. этот инцидент не имел последствий, в характеристике сельсовета, поданной в НКВД после ареста Г. в ноябре 1937 г., он уже изображался явно гипертрофированно — как покушение на убийство должностных лиц: «В 1936 г. делал нападение с целью убийства на руководителей колхоза и членов сельсовета» [16, т. 1, л. 15]. Эта формулировка была включена и в обвинительное заключение, на основании которого Г. был приговорен тройкой к 8 годам заключения в ИТЛ. Радикализации обвинений мог

способствовать случай (подтвержденный впоследствии показаниями, данными при проведении реабилитационного расследования), свидетельствующий, что Г. не ограничился словесными угрозами, а в 1937 г. «во время выпивки» избил члена сельсовета З., участвовавшего в конфискации его имущества [16, т. 3, л. 39].

Крестьянин-единоличник пос. Ново-Петровск Троицкого сельсовета Ф.И. Уфаев в 1929 г. был осужден к 4 годам лишения свободы за участие в групповом убийстве сельского активиста, в 1936 г. — к одному году ИТР за сопротивление представителям власти, производившим опись его имущества в связи с неуплатой налогов, а в 1937 г. — тройкой при УНКВД по Алтайскому краю как участник «контрреволюционной кулацкой группы» — к высшей мере наказания [19, л. 180, 213–220]. Единоличник пос. Верх-Мунай Ново-Троицкого сельсовета Н.И. Осокин «в 1936 г. при беспорочном изъятии хлеба в зачет обязательных зернопоставок чуть не зарубил топором председателя сельсовета и хлеб все-таки не отдал» [19, л. 162]. Схожие свидетельства о сопротивлении представителям власти, понуждавшим к выполнению гособязательств, содержатся в следственных материалах на осужденного тройкой единоличника с. Локоть С.П. Семакина [21, л. 11–11об., 25].

Репрессировались и единоличники, противодействовавшие действиям властей по дальнейшей коллективизации деревни, реализации планов создания коллективных хозяйств в тех населенных пунктах, где они еще не были организованы. По свидетельству председателя Ново-Троицкого сельсовета, когда он приезжал в 1936 г. в пос. Тузак для организации в нем колхоза, единоличник П.Ф. Стариков на проведенном по этому поводу собрании «заявил прямо, что мы жить будем по-старому, кому как хочется». Среди обвинений, предъявленных Старикову, осужденному алтайской тройкой 28 ноября 1937 г. к 10 годам ИТЛ, значилось и обвинение в антиколхозной агитации [18, л. 74, 309]. На репрессируемых активистов-единоличников могла «списываться» неэффективность местных властей в проведении коллективизации, по уровню которой район на всем протяжении 1930-х гг. находился в числе наиболее отстающих в Западно-Сибирском крае. Так, в следственных материалах на репрессированного в 1938 г. единоличника поселка Малые Скобари Салминского сельсовета Г.И. Капцевича проводимая им «антиколхозная агитация» была представлена как главная причина того, что к 1938 г. в этом населенном пункте так и не был образован колхоз, и все проживавшие в нем 70 крестьянских семей хозяйствовали единолично [22, л. 14, 37].

В период Большого террора единоличники привлекались к уголовной ответственности за неуплату налогов и саботаж хлебопоставок не только с ис-

пользованием механизма внесудебных репрессий, но и в судебном порядке. На протяжении первой половины 1930-х гг., по мере выхода сельского хозяйства из острой фазы кризиса, порожденного принудительной коллективизацией и раскулачиванием, в Солтонском районе, так же, как и в целом в Западно-Сибирском крае, сокращалось число работников сельского хозяйства, в том числе и единоличников, привлеченных к судебной ответственности по результатам хлебозаготовительных кампаний. По данным отчетов райсуда, число жителей Солтонского района, осужденных за «преступления против порядка управления» (в основном за саботаж госпоставок по ст. 61 УК РСФСР) с 1932 по 1936 г. уменьшилось более чем в два раза: с 307 до 141 чел. Среди жителей района, осужденных по уголовным преступлениям в течение 1936 г. — 5 мес. 1937 г., единоличников (осуждаемых преимущественно за саботаж хлебодачи) было 31,5% (106 из 336 чел.) [13, л. 154, 156], что значительно превышало их долю в составе населения (доля единоличных хозяйств в конце 1936 г. составляла 18,4%).

С началом проведения массовых репрессивных операций с использованием механизма внесудебных репрессий число осужденных за саботаж хлебопоставок в судебном порядке сокращается: так, на 15 октября 1937 г. в целом по Западно-Сибирскому краю за саботаж зернопоставок в рамках хлебозаготовительной кампании текущего года судами было осуждено лишь 34 единоличника. Судебные инстанции объясняли это тем, что «в результате вредительских действий по ряду районов единоличники широко льготировались, и материалы о злостных саботажниках в судебные органы не передавались» [15, с. 231]. В действительности же сокращение осуждений единоличников в судебном порядке было обусловлено широким развертыванием осенью 1937 г. внесудебных репрессий, в рамках которых саботировавшие хлебопоставки и уплату налогов единоличники были осуждены специально учрежденными для их проведения тройками. Только в Солтонском районе в период хлебозаготовительной кампании 1937 г. (в сентябре–декабре) было арестовано и осуждено тройкой 82 единоличника. При этом осуждаемым во внесудебном порядке единоличникам выносились гораздо более суровые наказания, поскольку саботаж хлебопоставок в этом случае квалифицировался как политическое преступление. Максимальное наказание, которое мог вынести районный суд по ст. 61 УК, по которой привлекались единоличники, не выполнявшие зернопоставок, составляло 2–3 года лишения свободы (с заключением в ИТК), тогда как 40 из 82 (48,8%) единоличников Солтонского района, осужденных тройкой в сентябре–декабре 1937 г., были приговорены к ВМН, 21 чел. (25,5%) — к 10 годам ИТЛ, 14 чел.

(17,1%) — к 8 годам ИТЛ, 6 чел. — к 5 годам ИТЛ (7,3%) [7]. И хотя попадавшие на суд тройки единоличники осуждались, как правило, как участники контрреволюционных групп и организаций, якобы подготавливавших вооруженные выступления против советской власти (с обвинениями по пунктам 2 и 11 статьи 58 УК), в действительности их основная «вина» заключалась в неприятии и активном противодействии политике коллективизации, хлебозаготовок и налоговому давлению со стороны властей.

Уже в период следующей хлебозаготовительной кампании 1938 г., когда тройки уже свернули свою приговорную деятельность (за исключением особых троек, выносивших приговоры репрессируемым по национальным операциям), число осужденных судебными органами (на ту же дату — 15 октября) в западносибирском регионе выросло более чем в два раза, при этом основную массу осужденных составили не выполнившие зернопоставок единоличники, привлекавшиеся в том числе по делам о «групповом саботаже» [15, с. 231].

О том, что в период хлебозаготовительной кампании 1937 г. масштабы преследования единоличников за невыполнение налоговых обязательств и хлебопоставок не снижались, а, наоборот, значительно возросли, свидетельствуют и данные о росте штрафных санкций, накладывавшихся на единоличников за саботаж хлебопоставок. По итогам хлебозаготовительной кампании 1936 г. по делам, переданным в районный суд уполномоченным Наркомзага, было оштрафовано 300 саботировавших зернопоставки единоличников, а по данным на май 1938 г. в райсуде находилось на рассмотрении около 800 дел, заведенных районным уполномоченным Наркомзага и райфо на единоличников, не выполнивших обязательства по уплате налогов и хлебопоставкам [23, л. 119–120; 24, л. 80об.]. Районный судья Малышев признавался в своем выступлении на районном партийном собрании, состоявшемся в конце мая 1938 г., в отсутствии у него физической возможности рассмотреть все поступившие в суд дела на единоличников-недоимщиков. В связи с этим районное руководство было вынуждено обратиться в краевые инстанции с просьбой о выделении району еще одной ставки судьи, а до ее замещения в помощь Малышеву на временной основе был направлен судья из Белоглазовского района [24, л. 80об.].

Анализ статистики приговоров, выносимых тройкой жителям Солтонского района, показывает, что единоличникам чаще выносились смертные приговоры, чем членам колхозов: к ВМН наказания были приговорены 67,7% репрессированных единоличников, тогда как у подвергшихся репрессиям колхозников доля таких приговоров составила 53,4% [12, с. 80]. Более высокий уровень виктимности характерен лишь для жертв Большого террора, рекру-

тировавшихся из таких групп, как бывшие члены небольшевистских партий, участники крестьянских восстаний, священнослужители, а также для репрессированных по так называемым национальным операциям [25, с. 44–47, 128]. Жестокость выносимых тройкой наказаний единоличникам, проявившаяся в более высокой доле смертных приговоров, свидетельствует о восприятии их в качестве «социально чуждой» категории населения, служившей препятствием для окончательного торжества общественно-го сектора в сельском хозяйстве.

Пример Солтонского района, где уровень репрессий в отношении единоличников вдвое превышал среднерегиональный показатель, свидетельствует, что эти репрессии масштабировались в тех районах края, где удельный вес единоличных хозяйств был выше, а, соответственно, уровень коллективизации существенно ниже среднего. Репрессии в отношении единоличников в годы Большого террора не приобрели такого тотального характера как против бывших кулаков, основным объектом репрессий были локальные группы единоличников и отдельные представители единоличного сектора, проявлявшие наиболее устойчивое и активное неприятие колхозного строя, в том числе и по религиозным убеждениям.

Число единоличных хозяйств в районе неуклонно сокращалось: с 1934 по 1936 г. их доля в общем составе сельских дворов сократилась с 48,4 до 18,6%. Если накануне посевной кампании 1936 г. в районе насчитывалось 3369 единоличных хозяйств, то к посевной 1937 г. их число сократилось до 1811, а к маю 1938 г. — до 900 [23, л. 119, 122; 24, л. 5]. Основную роль в сокращении единоличного сектора во второй половине 1930-х гг. сыграло усиление налогового давления на единоличные хозяйства (его ключительным проявлением стало значительное увеличение налоговой нагрузки и меры по ограничению землепользования единоличников, осуществленные во второй половине 1938 г.–1939 г.), сопровождавшееся судебными преследованиями и конфискацией имущества за невыполнение налоговых обязательств и принуждавшее единоличников к уходу в города и рабочие поселки или (в меньшей степени) вступлению в колхозы, но серьезным фактором элиминации единоличного уклада стала и репрессивная операция, проводившаяся в период Большого террора 1937–1938 гг. Насильственным устранением тех сегментов единоличного сектора, которые оказывали наиболее упорное сопротивление коллективизации и усилению налогового гнета со стороны государства, террор во многом способствовал, особенно в районах с низким уровнем коллективизации, ликвидации остатков нежелательных социальных и экономических структур и, следовательно, окончательному завершению процесса коллективизации и упрочению колхозного строя.

Библиографический список

1. Мишина Е.М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского ун-та. — 2014. — № 3(26).
2. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по Книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. — 2012. — №1.
3. Ilić M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe — Asia Studies. — 2000. — Vol. 52, № 8.
4. Савин А.И. Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой операции» НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1838 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. — М., 2009.
5. Разгон В.Н. Большой террор 1937–1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2016. — № 4(92). DOI 10.14258/izvasu(2016)4-22.
6. Папков С.А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2017. — № 1.
7. Жители Солтонского района Алтайского края, репрессированные в 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]: база данных / сост. В.Н. Разгон. — Барнаул, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. — М., 2008.
9. Отдел спецдокументации государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 5942.
10. Жданова Г.Д. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1938 гг. — Барнаул, 2015.
11. Очерки истории Алтайского края. — Барнаул, 1987.
12. Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 3.
13. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. П-44. — Оп. 2. — Д. 167.
14. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 7634.
15. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. — Новосибирск, 2000.
16. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 4288.
17. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 8313.
18. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 4305.
19. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 7638.
20. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 9300.
21. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 6848.
22. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 5127.
23. ОСД ГААК. — Ф. 2. — Оп. 7. — Д. 4345.
24. ГААК. — Ф. П-44. — Оп. 2. — Д. 180.
25. Большой террор в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Реализация приказа НКВД № 00447 / отв. ред. В.Н. Разгон. — Барнаул, 2014.